

РАССКАЗ АРТИЛЛЕРИСТА О ДЕЛЕ БОРОДИНСКОМ

Николай Любенков

Двадцать пять лет уже протекли со времени страшной Бородинской битвы, но воспоминания о ней живы, лица бесстрашных погибших товарищей, слабые отголоски страдавших от ран, торжественные клики русских и повсеместный гибельный ад огня глубоко еще начертаны в памяти — дика, мрачна была картина эта!

Кровавый бой жизни со смертью, глухой рев бесчисленных орудий, неистовые вторжения кавалерии и жаркие повсюду свалки на штыках, с которыми русские всегда непобедимы, живо еще мелькают в гла-

зах, и здесь роковое «ура», как предтеча грозы, изумляет и приводит в робость врагов, и общая тревога, треск оружия, а тут громовые взрывы пороховых хранилищ, как волканы, несут гибель в собственных рядах и в рядах неприятеля, и в этом беспримерном побоище, среди 2000 огненных жерл, русские бесстрашно принимают удары на грудь, удары врагов, хлынувших на Русь несметными толпами.

Мщение за отечество был общий обет армии.

Светлейший князь Кутузов давно понял его и подарил нас прекрасною позицією, открылись поля Бородинские, и многие предузнали, где кому пасть. Тихо, величественно мы занимали их, стройная линия тянулась далеко, общее движение одушевляло нас; батальоны пехоты переходили из одного места в другое; они сливались в колонны, везде показывалась артиллерия, выдвигались батареи, грозна была наша

А.И.Кутайсов.
Художник Д.Доу. 1820-е гг.

армия пред роковой битвой, и тяжкая дума пала мне на сердце, страшная кручина занимала его. Облокотясь на одну из моих пушек, я поник и с глубокогрустным чувством следил великолепную громаду войск наших. Что все это предвещает, подумал я? Бурю ли для отечества нашего или новое торжество славы, которая никогда не изменяла оружию нашему; удачный ли натиск врагов, давно болевший в нашем сердце, или отчаянный отпор, к которому кипели мы? Кому суждено погибнуть? Кто возвратится еще к родным, или эта чер-

ная земля покроет миллионы!

17-я Бригада наша занимала место на правом фланге нашей армии; храбрый полковник Дитерикс 2-й командовал ею, три батареи были расставлены. Незабвенный граф Кутайсов, начальствовавший всею артиллериею, храбрый, просвещенный генерал, подававший великие надежды отечеству, внушавший полное к себе уважение благородным характером, мужеством, бывший отцом своих подчиненных, накануне еще сражения приехал осматривать к нам линию артиллерии на всей позиции, занимаемой армиею, входил в прения с офицерами о выгодах местного положения для артиллерии, позволяя оспаривать себя и следовал за мнениями нашими; наблюдал проницательно, спрашивал о причинах, заставлявших каждого из нас поставить так или иначе свои орудия, и соглашался, если мы были правы. Так, видя одно из моих орудий в ущелии: «Вы его превосходно по-

ставили, — сказал он, — прислуга закрыта от огня неприятеля, и оно может действовать на довольно обширном пространстве, но эти два вы слишком открыли неприятелю». Я объяснил ему, что они стали на гребне отвесной горы и, действуя на произвольном пространстве, оставаясь на виду, не могут служить метой неприятелю, ибо выстрелы слишком должны быть счастливы, чтоб ядра в орудия попадали.

— Ваша правда, — сказал он, подъезжая ближе к ним, — я этого не замечал, и я бы не избрал лучших мест. — Тут он соскочил с лошади, сел на ковер и пил с нами чай из черного обгорелого чайника.

— Я сегодня еще не обедал, — сказал он. Так дружески прощался с нами Кутайсов на закате прекрасной своей жизни; он объяснил нам значение следующего дня, вскочил на лошадь и помчался. Мы следили долго этого любимого нами человека, и кто знал, что в последний раз, кто знал, что завтра, увлеченный беспримерным мужеством и патриотизмом, он погибнет за всех!

Вдруг гонец; он скакал во всю прыть; два слова из уст его: «Орудия на передки», это было дело одного мгновения, и грозная цепь из тридцати шести орудий и восьмидесяти пороховых ящиков, под сильными выстрелами неприятеля, торжественно понеслась на левый фланг, где бой сделался жестоким и сомнительным, на помощь родным, удерживавшим сильный натиск превосходного числом неприятеля.

Здесь сражение делалось как бы поединком, трупы усеяли землю, лошади без всадников, разметав гривы, ржали и скакали; отбитые орудия, остовы ящиков были разбросаны, дым, пламя, гул орудий, изрыгающих непрерывный огонь, — стонали раненые, дрожала земля. Мужественный, неустрашимый генерал Багговут, командовавший нашим корпусом, прискакал к нам. «У вас очень жарко», — сказал он. «Мы греемся с неприятелем», — отвечали мы. «Вам нужно подкрепление, стойте, братцы, ни шагу, вы изумляете неприятеля».

Мы знали, за что стояли, смерть повила всех одним чувством, не было уже у нас печения о близких, исчезла заботливость о жизни человека, добродетель, отличающая столь много русского, было только отечество и жажда истребить врага.

Так раненые просили помощи. «Не до вас, братцы, теперь, все там будем», — отвечали солдаты товарищам; убьют ли кого, смертельно ли ранят — в одну грудь, страдание замолкло на время; собственная

жизнь сделалась бременем: тот радовался, кто ее сбрасывал — он погибал за государя, за Россию, за родных.

Когда истощенные были обоюдные силы, когда неутомимая рука смерти устала от истребления, армии стояли, казалось, недвижимо; не было конца бедственному дню; одни орудия глушили, раздирали ряды, местами смолкали и они. В одном из таких промежутков бомбардир одного из моих орудий, Кульков, молодой храбрый солдат, опершись на банник, призадумался, я знал прежде и угадал прекрасные чувствования простого человека.

— Ты думаешь о суженой!

— Точно так, ваше благородие, — отвечал бомбардир, — жалко, когда больше с ней не увижусь.

— Бей больше французов, — сказала я, — чтобы они ее у тебя не отняли.

— Нет, ваше благородие, лучше света не увидеть, чем отдать ее басурманам.

Несчастный угадал: ядро снесло ему голову, мозг и кровь брызнули в нас, и он тихо повалился на орудие с стиснутым в руках банником. Солдаты любили, уважали его за храбрость и добрые качества.

— Позвольте его похоронить, ваше благородие.

— Не успеете, братцы, теперь, — сказал я им, — а успеете, делайте, что знаете, мне теперь некогда.

С этим они бросились, оттащили обезглавленное тело, вырыли тесаками столько земли, сколько нужно, чтоб покрыть человека, сломали кол, разцедили его сверху, вложили поперечную палочку в виде креста, воткнули это в землю, все бросили на полузакрытого товарища по последней горсти земли, солдаты перекрестились. Бог с тобою, царство тебе небесное, сказали они и бросились к пушкам, неприятель снова атаковал нас. Бог нам помог. Отразив неприятеля, мы составили совет, заряды наши были выпущены, едва оставалось по нескольку на орудие, — храбрый унтер-офицер Литовского уланского полка разрешил наше недоумение.

— Позвольте мне, ваше благородие, слезать за ящиком к неприятелю.

— Охотно, — отвечал я, — ты будешь за это вознагражден, — и он помчался в неприятельскую линию.

Перед этим несколько раз он скакал по сторонам, осматривал число неприятеля, доносил нам о его частых движениях, принося чрез свои поиски истинную пользу. Здесь он мчался с ящиком, одна из трех ящичных лошадей была убита; из двух ос-

Лейб-гвардии Литовский полк в Бородинском сражении.
Художник Н.Самохин, 1911 г.

тальных у пристяжной была переломлена нога, коренная легко ранена. Улан ухитрился: он привязал поводья двух этих лошадей к хвосту своей лошади, опрометью сел на нее и скакал к нам, пристяжная едва могла поспевать, скача на трех ногах. Мы торжественно встретили храброго; я поцеловал улана.

— Где ты отыскал ящик с зарядами?

— А вот где: осматривая по вашему приказанию вот ту конницу, что сейчас было пожаловала к нам, которую вы отпочтевали картечами, я увидел несколько русских орудий, бросившихся в атаку; вот они за убитым ездовым и лошадей не могли его взять, когда поскакали вправо, а французам некогда было; они дрались с нами.

Заряды пришлось по калибру легких наших орудий, и мы с радостью их разде-

лили как драгоценную добычу, выхваченную почти из рук неприятелей, которую в это время нельзя было заменить на вес самого золота. Граф Сиверс, как главный начальник нашего отряда, поздравил храброго унтер-офицера: светлейший князь Кутузов за подвиги его в целый день произвел в офицеры. Мы радовались, что он был достойно награжден и, имея заряды, не унывали более, люди у орудий были изранены, мы их заменили рядовыми из Рязанского и Брестского полков, нас прикрывавших; на лошадей посажены были лихие ратники Московского ополчения; день этот истребил превосходных опытных у нас канонеров, но где было им лучше пасть, как не под Бородином...

1837 г.